

Владимир Харитонов

Неожиданное наследство



Владимир Харитонов

Неожиданное наследство

«Автор»

2026

Харитонов В. Ю.

Неожиданное наследство / В. Ю. Харитонов — «Автор», 2026

Книга о захвате заложника в Питере, его насильственном перемещении и удержании в одном из волжских городов. Преступление совершено ради двух квартир, владельцем которых оказался потерпевший. О его неудачной любви и циничном предательстве любимой. О том, чем закончилась преступная попытка переоформления очень дорогой недвижимости. И главное, как совершенно неожиданно владелец распорядился всем своим имуществом. Все персонажи вымышлены, любое сходство с реальными людьми случайно.

© Харитонов В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Владимир Харитонов

Неожиданное наследство

Лето в Петербурге выдалось на редкость знойным — будто город на время забыл, что ему положено быть северным и сдержанным. Сегодня на градуснике плюс двадцать семь, а небо — чистое, без единого облачка, словно выцветшее от жары. Слабый ветерок едва шевелил ветки молодых берёзок возле многоэтажек, и эта робкая дрожь листвы ничуть не обещала прохлады. По тротуару вдоль проспекта Ударников неторопливо шёл одинокий мужчина. Он аккуратно переставлял перед собой трость, и эта размеренная, почти ритуальная поступь вместе с густой, давно поседевшей бородой придавала ему вид человека, который давно сошёлся со старостью — не как с врагом, а как с неизбежным попутчиком. Фигура его была невысокой и чуть сутулой; серая майка с коротким рукавом хранила на себе цветные пятна, свидетельствовавшие о небрежном отношении к быту, а простенькие, изрядно поношенные брюки тёмного цвета довершали облик, который прохожие без раздумий относили к разряду «бомжеватых».

И вряд ли кто-нибудь из спешащих мимо людей мог предположить, что этот худой, неприметный старичок — законный владелец не только однокомнатной квартиры на пятом этаже неподалёку, но и трёхкомнатной в самом центре города. Имелась у него и дача в пригороде, с неплохим приусадебным участком. Правда, в тех краях он не появлялся уже года три и почти стёр её из памяти, как стирают из записной книжки адрес, по которому больше не собираются ездить. Кряхтя по-стариковски, этот обладатель дорогой недвижимости опустился на лавочку у тротуара, давая отдых уставшим ногам и больному сердцу. Обеими руками он опёрся на трость и тяжело перевёл дух. Взгляд его казался мутноватым и будто бы обращённым не на прохожих, а куда-то внутрь себя, в те закоулки памяти, где время тянется медленнее. Мимо шли люди — парами и поодиночке, с детьми и без них, — и никому не было дела до этого уставшего старика. Да и Петру Николаевичу, так звали одинокого путника, не очень-то хотелось привлечь к себе внимание.

После смерти жены, Елены Викторовны, три года назад — её унёс обширный инфаркт, — он не сразу, но понемногу полюбил одиночество. Теперь, сидя в пустой квартире за рабочим столом, вдовец любил записывать воспоминания в старую общую тетрадь с потемневшими от времени корками. Заполняясь дорогими ему событиями, невысказанными когда-то размышлениями и несбывшимися мечтами, блокнот постепенно превращался в черновик будущей книги. По крайней мере, так ему хотелось думать. Автобиографическая повесть о непростой, но интересной жизни должна стать бестселлером для умного читателя и принести своему автору заслуженную известность. Иногда слова почти сами собой складывались в рифмы, рождая изящные, пусть и немного старомодные стихи — отголоски таланта некогда известного журналиста.

Правда, он уже давно нигде не печатался. И не потому, что стало хуже получаться, а потому, что не хотел обременять себя хлопотами, которые сулили лишь скромные доходы и уйму суеты. Как и многим творческим людям, ему было не чуждо чувство, что его талант слегка недооценён, и вместе с тем теплилась надежда на будущую, по-настоящему заслуженную славу. Пётр Николаевич не настолько стар, как могло показаться на первый взгляд. Последние два года он жил на законную пенсию и привык рассчитывать только на неё, аккуратно планируя свои скромные потребности. Вспомнив, что опять забыл купить цветы Эльвирочке, Пётр Николаевич чуть улыбнулся. От мыслей о ней в груди всякий раз становилось теплее — она одна сумела коснуться тех струн его души, которые давно, казалось, покрылись пылью и перестали отзываться на чьи-либо прикосновения.

Память мягко увела его в пансионат «Олышаники», куда коллеги из «Аргументов и фактов» пристроили его на две недели в связи с выходом на заслуженный отдых. Проводы отметили скромно, в его трёхкомнатной квартире на Невском проспекте, совсем рядом с местом работы. После смерти любимой супруги, с которой они прожили в мире и согласии больше тридцати лет, квартира словно опустела не только от вещей, но и от самого воздуха, которым было приятно дышать. Он не мог оставаться там, где каждая безделушка напоминала о счастливых временах, и сердце щемило от любого пустяка, попадавшего на глаза. От жены ему досталась однокомнатная «хрущёвка», и уже на третьи сутки после похорон он перебрался туда, перетаскив свой скудный скарб. Не стал дожидаться вступления в наследство, как того требовал закон. Да и подсказать ему об этом было некому: живых претендентов на жилплощадь не осталось.

Он всё никак не мог заставить себя продать пустующую трёхкомнатную квартиру. И вдруг настали проводы на пенсию. В тот вечер коллеги не жалели тёплых слов, твердили, что газета без него обеднеет. А он слушал и думал про себя: «Вот и пригодились мои хоромы». Когда все устали от речей, главный редактор, словно подводя черту, вручил ему ту самую путёвку. Судьбоносной она стала не сразу, а чуть позже — после неожиданного знакомства... По воле случая два одиноких человека оказались за одним столом в местной столовой.

— Эльвира, — представилась некогда красивая блондинка, глядя прямо в глаза своему соседу.

— Пётр Николаевич, — ответил журналист с нарочито серьёзным видом, чем невольно вызвал у собеседницы улыбку.

После обеда они с новой знакомой непринуждённо уже прогуливались по аллеям ухоженного парка. И уговаривать её для этого вовсе не пришлось. Эльвира, юрист по образованию, с первых минут показала себя прекрасной собеседницей и компанейским человеком. Она не прятала свой возраст, как нередко делают женщины, и, будучи всего на два года моложе Петра Николаевича, сумела сохранить и женские чары, и ту самую лёгкую игривость, которая обычно исчезает вместе с молодостью. Она подолгу сидела с ним в беседке у озера Чернявское и терпеливо выслушивала его бесконечные истории — те самые, которые он, возможно, и сам уже слышал не раз. Профессия приучила Эльвиру не делать поспешных выводов даже в, казалось бы, простых ситуациях и не перебивать собеседника, когда тот вдруг сворачивал на житейские темы, далёкие от всякого «дела».

Помимо душевных разговоров, Пётр Николаевич, стараясь развлечь спутницу, почти каждый вечер приглашал её в местный кинозал. Честно говоря, современную киноиндустрию он переваривал с трудом. Ради этой новоявленной подруги Пётр Николаевич добровольно шёл на маленькие жертвы, лелея надежду, что однажды она их по-настоящему оценит. Эльвире нравились фильмы, и он смиренно терпел непонятных ему героев и откровенно вульгарные сюжеты, старательно удерживая на лице хотя бы тень интереса — лишь бы увидеть её улыбку. По её предложению он даже отважился на поход в бассейн. Правда, из-за неврологических проблем с ногами благоразумно не полез в воду, а остался у бортика, опираясь на трость. Оттуда он и любовался грацией своей «возлюбленной русалки», как мысленно её называл.

В такие минуты ему казалось, что он влюблён, как в далёкой молодости. Но даже в самых смелых фантазиях он не мог представить себя наедине с Элей в её или своей комнате. Он убеждал себя, что она не такая, как все, что ей не нужна телесная близость — и этим тихим самообманом как будто оправдывал собственное возрастное бессилие. Потому и не делал попыток остаться с ней наедине. Прощаясь, церемонно целовал ей руку и торопливо уходил, стараясь

не прихрамывать и держать трость так, чтобы она казалась не опорой, а простым элегантным аксессуаром.

Сидя на уличной лавочке, он вдруг вспомнил тот вечер, который, как это всегда бывает, подкрался незаметно и стал последним.

— Эльвирочка, я так к вам привык, что и не представляю, как буду жить без вас, — робко, с надеждой, непонятной ему самому, произнёс он.

— А вы приезжайте ко мне в гости, как соскучитесь. Я живу одна, в двухкомнатной квартире на проспекте Ударников. Хотите, я вам адрес напишу? — спокойно, почти буднично предложила Эльвира.

— Как на Ударников? — растерянно переспросил Пётр Николаевич.

В голове у него снова закрутились мысли: «Это судьба, само провидение свело нас». Эльвира, не понимая его реакции, весело рассмеялась.

— Да, дом пятьдесят, квартира сто пятьдесят шесть, — сквозь смех сказала она. — А что вас так удивило?

— Просто я и сам живу на этом проспекте, только в пятьдесят шестом доме. Можно, я вам подарю свои стихи? Вчера поздно вечером сами собой на бумагу легли...

— Прочтите мне сами. Я люблю слушать.

Они устроились на кованной лавочке в парке пансионата — той самой, которую Пётр Николаевич про себя называл «их скамейкой». Она стояла в тени старых лип и берёз, и здесь, в этой первобытной тишине, среди зелени и шороха листвы, он мог, наконец, выдохнуть после привычных прогулок и рассказать о себе самое важное, чувствуя, что его действительно слушают. Эльвира чуть прикрыла глаза, расслабившись, а Пётр Николаевич достал из футляра очки и, слегка запинаясь, прочёл строки, родившиеся после вчерашней встречи.

— Да вы романтик, — сказала она.

Интонация была неопределённой: не понять, тронули ли её эти рифмы хоть на йоту. А потом она небрежно бросила исписанный тетрадный листок в свою дамскую сумочку.

Эта лёгкая небрежность к его выстраданному творению кольнула, где-то внутри, но он старательно заглушил обиду всепрощающей увлечённостью. Если бы он только знал, сколько подобных «шедевров» она в молодости выбрасывала вместе с мусором, порой даже не дочитав до конца. Сколько пылких признаний и дорогих подарков прошло мимо, не оставив следа. Для Эльвиры Пётр Николаевич оказался просто приятным собеседником, который помогал скрасить скуку пансионата. Она не привыкла скучать и умела проводить время совсем не так, как виделось старому романтику. Потому и сегодня она не открыла дверь надоевшему ухажёру, который упорно звонил, не желая понимать, что дома никого нет.

А он всё ругал себя за то, что опять не купил цветов. При этом и представить не мог, что его избраннице вовсе не хотелось нежности сорванных роз — ее влекло совсем другое. Имя «Карабек», которое она порой шептала про себя, тревожило душу одним своим звучанием, непривычным для русского уха. Вчерашний короткий телефонный разговор долго не давал

ей уснуть. Да и «разговором» это можно назвать лишь условно: после дежурных приветствий голос в трубке прозвучал как приказ:

— Завтра никуда не уходи. Да подмойся, как следует — возможно, приду.

Обидеться следовало бы, но обида не приходила. Непреодолимое желание близости сметало и женскую гордость, и остатки самоуважения. С самого первого дня Карабек действовал на неё с какой-то первобытной, грубой силой, подавляя волю одной только уверенностью в своём праве.

Их встреча год назад на дне рождения подружки Наташки оказалась, по сути, заранее подстроена. Наталья Владимировна, как её звали в юридической конторе, жила с немолодым, но крепким дагестанцем Акбаром. Тот, хоть и был старше на десять лет, сумел покорить её щедрыми, немыслимыми букетами — он дарил их при каждой встрече, заставляя флориста выдумывать, что-то особенное. Наталья Владимировна, замечая косые взгляды коллег, не уставала хвастаться вниманием и щедростью своего ухажера, а заодно настойчиво сводила подруг с его многочисленными родственниками — особенно тех, кто не замужем и тосковал по мужской ласке. Неудивительно, что и Карабек оказался в тот вечер за праздничным столом.

Он тогда проводил Эльвиру до дома, напросился на чай — и в ту же ночь грубо взял её. Сопротивлялась она неубедительно, и звать на помощь не стала. После этого Карабек прожил у неё ещё три дня, беспрестанно требуя новых утех. Сначала она боялась ему отказать, а потом быстро привыкла и уже сама старалась угадывать желания любовника. И вот однажды, после очередного такого вечера, он вдруг спокойно сказал:

— Ты хорошая женщина. Ты должна мне помочь.

— В чём? Тебе нужны юридические услуги? — наивно спросила она.

— Нет. Мне нужно много денег на операцию для мамы.

Она замерла.

— Милый, я даже фамилии твоей не знаю, а ты просишь в долг? Ты, правда думаешь, что я миллионерша? И сколько тебе надо?

— Пятьсот тысяч. А фамилия моя — Балоев. Хочешь, паспорт покажу и расписку напишу.

Финансовые накопления у Эльвиры имелись, и немалые. Её юридическая помощь ценилась высоко, а деньги она по старинке откладывала на сберегательную книжку — будто не доверяла ни картам, ни модным приложениям. И уж точно не могла предположить, что однажды снимет все три миллиона и отдаст их малознакомому человеку, даже не проверив паспорт. Сделает это добровольно, надеясь удержать любовника одной лишь щедростью. Но эффект вышел обратным: Карабек стал навещать её всё реже, зато при каждой встрече клятвенно обещал вернуть долг, подкрепляя слова неустойчивой страстью. И она верила. Ей хотелось верить. Кавказец и не старался придумывать серьёзные причины для новых займов. Последние деньги он выпросил просто: «Сильно надо».

После возвращения из пансионата «Ольшаники» Эльвира, желая пробудить в партнере хоть тень ревности, как-то между делом рассказала ему про своего нового знакомого, бывшего журналиста.

— Он такой чудной и милый... Стихи мне подарил. И живёт тут же, неподалёку. А в центре, на Невском, у него пустует трёхкомнатная квартира. Вот и сегодня приходил, а я не открыла.

— Наверное, наследники ждут, не дождутся, когда он умрёт, — равнодушно бросил горец.

— Да нет у него наследников. Жена три года назад умерла, а до этого оба сына погибли: один в Чечне, военным был, другой — в аварии.

— Познакомь меня с ним, — неожиданно предложил дагестанец.

— Зачем? Он же совсем больной, ты его одним взглядом убьёшь, — ответила Эльвира, польщённая тем, что любовник вообще об этом заговорил.

Но в груди Карабека шевельнулась вовсе не ревность, а смутные, пока ещё едва оформившиеся планы возможной выгоды.

— Да не трону я твоего любовника. У нас на Кавказе говорят: «Друг твоего друга — тебе тоже друг».

— Он мне не любовник, — кокетливо поправила Эльвира. — Впрочем, через неделю у меня день рождения. Могу его пригласить.

— Я приду, если гостей будет немного. Не люблю пьяных разговоров.

— Много не будет. Может, Наташка с Акбаром заглянут, да Пётр Николаевич, если хочешь. Посидим, поговорим, разойдёмся.

— Телефон у тебя этого журналиста есть? — Продолжал допытываться дагестанец.

— Конечно, в блокноте записан. Только я не отвечала на звонки..., когда ты обещал прийти.

— Позвони сама, извинись. Что-нибудь соври. Мол, уезжала по делам, телефон дома забыла, — произнёс Карабек тоном, не терпящим возражений.

На следующий день, в обед, Эльвира набрала номер незадачливого ухажёра.

— Здравствуйте, Пётр Николаевич. Извините, что не брала трубку. Меня вдруг попросили заехать в бывшую контору — предложили немного подзаработать. А я от радости телефон дома и забыла. Сегодня никуда не пойду, если хотите, приходите в гости. Чайку попьем, поболтаем.

Увидев на экране имя Эльвиры, Пётр Николаевич словно взлетел на седьмое небо. Он почти не слышал торопливых, явно надуманных извинений — они казались ему мелочью, не стоящей внимания. Главное, что она сама позвонила, не вычеркнула его номер, не забыла.

Уже через час, с тремя гвоздиками в руках, он звонил в знакомую дверь. Эльвира встретила его приветливо: угостила чаем, терпеливо выслушала очередное стихотворение и поддержала светскую беседу. А под конец вечера сделала предложение, от которого у влюблённого перехватило дыхание: пригласила на свой день рождения. По дороге домой Пётр Николаевич не чувствовал привычной боли в ногах и даже одышки. Все мысли кружились вокруг предстоящего торжества и... подарка. Ему хотелось удивить Эльвиру, вызвать хотя бы минутное восхищение, но скудные финансы ставили жёсткие рамки. До следующей пенсии оставалось две недели, и их ещё предстояло как-то прожить. Ради её улыбки он бы, пожалуй, подарил ей свою трёхкомнатную квартиру на Невском — если бы счёл такой жест приличным.

А вот о квартире на проспекте Ударников он не думал вовсе, и не потому, что было жалко. Пока «хрущёвка» пустовала, в ней давно поселился дух собачьей вольницы: ещё при жизни Елены Викторовны. Соседка Галина, подруга и такая же любительница животных, держала там бродячих собак. Женщины жалели дворняжек, прикармливали, пытались пристроить в хорошие руки. Галина так увлеклась этим делом, что постоянно подбирала новых постояльцев, и вскоре их набралось восемь. Когда Пётр Николаевич сообщил, что собирается переехать, «собачница» со слезами отдала всех в приют. Но делать ремонт после такой «зубастой» стаи она не собиралась. Да и сам журналист быстро привык к ободранным обоям, погрызенным ножкам мебели и специфическому запаху. Он любил животных не меньше, чем его покойная супруга, и эти следы чужой заботы почему-то не раздражали, а даже грели сердце.

В назначенный день Пётр Николаевич стоял у заветной двери с нелепой вазой в одной руке и тремя гвоздиками — в другой. Белая рубашка, чуть помятая, с бабочкой вместо галстука, и чёрные, почти новые брюки, по его разумению, придавали ему торжественный вид, вполне подходящий для такого случая. Оказавшись за праздничным столом между двумя крепкими кавказцами, Пётр Николаевич поначалу растерялся. Но доброжелательность и даже некое подобие уважения к старшим со стороны Карабека и Акбара быстро его успокоили. Сказалось и то, что молодой дагестанец не уставал подливать водку в рюмку гостя. Пётр Николаевич декламировал стихи, рассказывал старые журналистские байки и постепенно почувствовал себя непринуждённо. Однако возраст и алкоголь брали своё. Когда гость заметно захмелел, Карабек неожиданно вызвался проводить его — и сделал это по собственной воле, ещё в разгар веселья. Он оценивающе оглядел неприглядную «берлогу» писателя, уложил Петра Николаевича на диван и заботливо укрыл одеялом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.